

В день, когда вывесили результаты, стояла ясная погода.

У доски объявлений собралась толпа. Дачжуан буквально силой притащил туда Цяо Е: тот отсыпался в общежитии, а его схватили за руку и выволокли наружу, так что он ещё толком не проснулся.

Список висел на самом заметном месте. Первые два места — без сюрпризов: Пэй Цзюэ, Цяо Е. Один над другим, совсем рядом.

На этот раз вокруг не было того оглушительного взрыва, как после вступительного диагностического теста. За несколько месяцев весь класс уже привык к такому началу списка: эти двое — потолок, из года в год будет одно и то же, чего суетиться. Несколько студентов пробежали глазами результаты и сразу ушли, по дороге вздыхая. Пара близких знакомых подошла хлопнуть Цяо Е по плечу и бросить: «Брат Е, стабильно». Дачжуан рядом громко возмущался: «А то! Конечно стабильно!» — и радовался за него так, будто сам получил оценку. Цяо Е сдержал выражение лица и ещё раз посмотрел на список. Имена Пэй Цзюэ и Цяо Е стояли рядом уже целый семестр — один выше, другой ниже, и ни разу разрыв между ними не превышал десяти баллов. До поступления в Линьцзян Цяо Е не мог бы представить ничего подобного.

На занятии профессор Бай отдельно назвал их обоих «эталоном этого курса» и сказал несколько слов. Смысл был простой: «Вам на эти два года достались лучшие соперники. Цените это и не растрачивайте впустую». Класс зааплодировал. Цяо Е и Пэй Цзюэ сидели каждый на своём месте и не смотрели друг на друга.

Но Цяо Е почувствовал, что в тот самый момент чей-то боковой взгляд из другого конца аудитории задержался на нём на секунду-другую.

Он опустил голову и покрутил в пальцах ручку, не понимая, что чувствует. Слова «лучший соперник», произнесённые профессором Баем вслух, легли в воздух куда тяжелее, чем Цяо Е ожидал.

Окончательно этот вывод закрепил пожилой профессор в старой куртке из исследовательской группы.

В тот день после общего собрания старик остался со своей вечной чашкой недопитого чая и задержал их двоих. Долго, не спеша, разглядывал обоих.

— Я почти двадцать лет веду бакалавров в Линьцзяне, — сказал он. — И впервые встречаю такую пару.

Ни Цяо Е, ни Пэй Цзюэ не ответили.

— Вы друг для друга лучшие точильные камни. — Старик отпил чаю. — Если будете точиться вместе, доберётесь туда на пять лет быстрее, чем если пойдёте каждый сам по себе.

Слова «точильные камни» несколько раз прокрутились в голове Цяо Е.

Пожилой профессор сделал ещё глоток и продолжил всё тем же неторопливым тоном:

— Многие за всю жизнь не находят такого человека. Вам двоим повезло. Просто пока вы ещё не понимаете, насколько это весомо. Поймёте, скорее всего, через несколько лет. — Он сделал паузу и по очереди окинул их мутноватым старческим взглядом. — Запомните это ощущение: когда вас заставляют дойти до предела; когда вас понимают; и когда соперник относится к вам всерьёз.

Сказав это, он взял чашку и медленно вышел, оставив их вдвоём в опустевшей комнате.

Цяо Е не мог понять, почему эти слова так задели его.

Он не впервые слышал, как оценивают его отношения с Пэй Цзюэ. Дачжуан высказывался, профессор Бай высказывался, Линь Сяо и Мяо Мяо тоже шептались. Но всё это обычно вызывало у Цяо Е смех или раздражение, а потом забывалось. Слова старого профессора легли иначе. Будто кто-то взял линейку, точно измерил все беспорядочные месяцы их общения, а потом вернул результат и положил перед глазами.

Точильные камни. Два камня трутся друг о друга, и от этого другой становится острее. Но на каждом из них лезвие второго тоже оставляет след.

Что это вообще за отношения?

Цяо Е вспомнил незнакомца, с которым в первый день у ворот университета они спорили, кто будет командовать; непокорный обмен взглядами у доски объявлений, где их разделял один балл; странную слаженность у анатомического стола; молчание под шум дождя в коридоре; пачку лакричных таблеток, которую он всю ночь носил в кармане и так и не открыл. Чем больше он вспоминал, тем сильнее путались мысли.

Он оборвал этот внутренний круг на середине, потому что заметил: пока он об этом думает, взгляд человека рядом словно бы ненароком скользнул по нему и тут же быстро ушёл в сторону.

Цяо Е не знал, о чём думает Пэй Цзюэ.

Пэй Цзюэ привык закрываться наглухо; что бы ни было у него внутри, по лицу не прочитаешь. Но в последнее время Цяо Е начал понемногу понимать хотя бы некоторые его реакции.

На словах «точильные камни» Пэй Цзюэ едва заметно замер. Всего на миг. Ручка в его пальцах слегка сжалась, а потом снова расслабилась.

Цяо Е не знал, что это значит.

И не понимал, почему вообще заметил такую мелочь.

Когда они вышли из комнаты исследовательской группы, вечернее солнце вытягивало длинные тени. Цяо Е шёл на полшага рядом с Пэй Цзюэ, и оба молчали. Через некоторое время Пэй Цзюэ свернул к развилке.

— Мне туда, — сказал он, чуть указав подбородком на другую дорожку.

— А, — Цяо Е остановился.

Пэй Цзюэ сделал два шага, потом вдруг тоже остановился. Не оборачиваясь, ровно бросил через плечо:

— Ты свои результаты удержишь.

И сразу пошёл дальше — спокойно, с прямой спиной, пока не скрылся за поворотом.

Цяо Е остался стоять на месте, ошарашенный.

Что он сказал?

Удержишь.

Фраза без начала и конца прозвучала в тихом вечернем кампусе. Не похвала, не утешение — но почему-то легла прямо в сердце, оставив там небольшую, совершенно отчётливую вмятину.

Цяо Е постоял ещё немного и только потом пошёл к общежитию.

Дачжуан ждал его в комнате. Увидев Цяо Е, резко сел на кровати, глаза загорелись.

— Ну как? Профессор Бай лично назвал тебя эталоном. Какие ощущения?

— Никаких. — Цяо Е бросил рюкзак и сел на кровать.

— Да ладно тебе. — Дачжуан цокнул языком. — Вы с Пэй Цзюэ уже несколько месяцев вот так носитесь друг за другом и всё ещё делаете вид, что терпеть друг друга не можете.

— ...Что за бред ты несёшь?

— Я просто говорю, — Дачжуан принял максимально серьёзный вид, — в романах полно историй, где двое каждый день грызутся, а потом догрызутся до чувств. Ты просто сам не понимаешь...

— Чжоу Дачжуан!

— Всё-всё, молчу. — Дачжуан втянул шею, но уголки губ всё равно тянулись вверх. — Только есть ли у тебя в голове понимание, ты сам знаешь.

Цяо Е запустил в него подушкой. Дачжуан поймал её, отодвинулся подальше и тихонько пробормотал:

— Я просто думаю: если обычному человеку кажется, что кто-то сильный, он максимум уважать станет. А кто целыми днями сам к этому человеку тянется...

— Чжоу Дачжуан, если у тебя рот дальше будет без замка, я правда его зашью. — Цяо Е даже не обернулся; голос звучал лениво.

Дачжуан благоразумно замолчал. Но в глубине души понимал: подушка прилетела слишком быстро. Настолько быстро, что это уже немного походило на нечистую совесть.

Цяо Е больше не поддержал разговор.

Он лёг на кровать и уставился в заплесневелый потолок. В голове беспорядочно всплывали непонятные отрывки: ровный анастомоз на рабочем столе; молчание под шум дождя в коридоре; пачка лакричных таблеток, которую он всю ночь носил в кармане и не открыл; и сегодняшнее: «Ты свои результаты удержишь».

Точильный камень.

Точишься, точишься — и становишься острее.

Но что же это тогда на самом деле?

Цяо Е очень долго крутил этот вопрос в голове и так и не нашёл ответа. В конце концов просто медленно закрыл глаза.

За окном последний ответ заката окрасил горизонт оранжево-красным.

<http://bllate.org/book/21871/2271025>